

Василий Окулович и Соломан (5)

Как во славной во главной Золотой Орды
У прекрасного Василья сына Окулова
Кабы было пированье, да был почесьён стол
Как про многих пановеи-улановеи,
Как про всех про мурзов да про тотаровеи.
Кабы все на пиру да напивалисе,
Кабы все-де на чесном да наедалисе,
А как прекрасные царь да сын Окуловиць
Да по светлой грынюшки похаживал,
Он белыма руками да сам розмахивал,
Он злацияныма перснями да наколачивал,
Сереберцятыми скобками в пол нащалкивал,
Ише сам из рецей он выговарывал:
«У нас все-де во городе нонь споженены,
У нас красные девици взамуж выданы —
Я один-то, Василей да царь, холост хожу,
Я холост-де хожу, да нежонат живу!
Вы не знаите ле мне-ка обручници,
Мне обручници ведь, да красной девици,
Красной девици мне, да супротивници:
Как котора бы девиця лицём бела,
Умом-разумом она весьма довольня всем,
Брови черны у ей — как у черного соболя,
Очи ясны у ей — как у ясна сокола,
А ресници у ей были — осистыя,
А походочка у ей была — повинная,
Тиха речь же у ей — да лебединая?»
Кабы большой-от кроицьсе за среднего,
Как средней хороницьсе за меньшого;
А от меньшого, сидят, — долго ответу нет.
Из-за того же стола-та да из-за задьнего,
Из-за задьнего стола из-за окольнёго,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выставаёт удалой да доброй молодець,
Как по имени Торокашко да сын Заморенин.

Он низко царю да поклоняицэ:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Окуловиць!
Кабы за морём-морём, за синим морём,
Да за синиим морём за Турэчкиим
Да во том же во чарьсви во Ерусолими
У того же царя-та да у Соломана
Уже ес ле царица да Соломанида:
А лицём-де бела да ростом висока,
Умом-разумом она весьма довольня всем,
Брови черны у ей — как у черного соболя,
Оци ясны у ей — как у ясного сокола,
А ресници у ей — да два бобра осостыя,
А походецька у ей была — повинная,
Тиха речь же у ей — да лебединая!»
А говорит Василей да таково слово:
«Уж ты ой есь, Торокашко да сын Заморенин!
Говорил бы ведь ты да не с уговоркою —
Я срубил у тебя да буйну голову.
Ище как у жива мужа жону отнять,
У того же царя-та да у Соломана?
Как Соломан-от царь да он хитёр-мудёр,
Розорит-де всю нашу да Золоту Орду!»
Наконеч ети речи да прылюбилисе,
По Васильёву сердцю да розкатилисе.
Говорыл Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, Торокашко да сын Заморенин!
Говорыл ведь ты да не с уговоркою —
Я срубил у тебя да буйну голову.
Ище как у жива мужа жону отнять,
У того же царя-та да у Соломана?
Как Соломан-от царь да он хитёр-мудёр,
А розорит-де всю-де нашу да Золоту Орду!»
А наконеч ети речи да прылюбилисе,
По Васильёву сердцю да розкатилисе.
Говорил Торокашко да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Окулович!
Нагрузи-тко три черныя три карабля:
Как первой-от карабь да со канелеми,
Как второй-от карабь да с плисом-бархатом,

Как третьей-от карабь да со напитками.
Я пойду ле ведь здраво да за синё морё,
Привёзу ле царицю да Соломаниду
Без бою ле, без драки да я, без сецэнья,
Без того же ножáва кроволитьиця!»
И тут же Василей да сын Окуловиць
Нагружал он три черныя три карабля:
Как первой-от карабь да со канелеми,
Как второй-от карабь да с плисом, с бархатом,
А третьей-от карабь да со напитками.
И отправилса Торокашко да сын Заморенин,
Отправилсэ ведь он да за синё морё,
А за то же за морё за Турэцькоё
Да во то же во царсьво во Ерусолим-град.
Ёму пала ведь тишина способная,
Поветёрна-та пала да всё хорошая.
Прыходил он во царсьво в Ерусолим-град,
Опускал он ведь парусы полотняны,
Он мётал он ведь якори булатныя,
Он клал ле ведь сходёнки дубовыя,
Он брал ле подароцьки заморския —
Он пошел же во царсьво в Ерусолим-град
Ко тому же царю-ту да ко Соломану.
Как Соломана-царя в доме не случилосе,
Как одна ле цариця да погодиласе:
Как уехал на тихи да вёшны заводи
Как стрелэть-де гусей да белых лебедей,
Кабы сизых пернастых да малых утицэй.
Он тут, Торокашко, да злой догадлив был —
Он низко царици да поклоняицсэ:
«Уж ты ой еси, цариця да Соломанида!
Ты прыми-тко подарочки заморския,
Да заморския подарочки немалыя,
Да немалыя подарки — да во петьсот рублёв!»
Приняла ле цариця да Соломанида
Уже те жа подарочки заморьския.
Уж тут-то Торокашко да злой догадлив был —
Он низко царици да поклоняицьсе,
Он сам говорит ей таково слово:

«Как Соломана-царя в доме не случилосе,
Да одна ле цариця да погодиласе.
Ты пожалуй-ко на наши да черны карабли
Обченить ле товары наши заморския,
Со какого товару да кака пошлина:
Мы по пошлины товарами торговать будём!»
Уж тут же цариця да не сослышилась —
Снарэдилась цариця да поскорёшенько,
Поскорёшенько снаредилась хорошошенько.
Уж тут-то Торокашко да злой догадлив был —
Он не на тот ле карабь ведёт — со товарами,
А на тот ле карабь ведёт — со напитками.
Заводил он цариця[ю] да на черлён карабь,
Наливал он ведь цару да зелена вина,
А не малу, не велику — да полтара ведра,
Подавал он царици да Соломаниды.
Говорил он ведь ей да таково слово:
«Уж ты выпей-ко цару да зелена вина —
Веселя будёт товары наши обченивать,
Со какого товару да кака пошлина:
Мы по пошлины товарами торговать будём!»
Она выпила цяроцьку-ту первую —
Наливал он ведь цяроцьку-ту вторую,
Подавал ле царици да Соломаниды:
«Кабы первая цяроцька — для смелости,
Кабы втора-та цяра — да для весельиця!»
Она выпила цяроцьку-ту вторую.
А тут Торокашко да злой догадлив был —
Наливал он ведь цяроцьку-ту третьюю,
Подавал он царици да Соломаниды,
Говорил он ведь ей да таково слово:
«Как Соломана-царя в доме не случилосе,
Как одна же ведь ты да погодиласе;
За себе ли ты ведь выпила — за царя испей!»
Она выпила цяроцьку-ту третьюю;
А где пила, где бы ела — да тут и спать лёгла.
Спать-де лёгла — да и дыра мокра.
Тут Торокашко да злой догадл[ив] был —
Обирал он ведь сходёнки дубовыя,

А да катал он ведь якори булатныя,
Подымал он ведь парусы полотняны.
Ёму пала поветёрна-та способная —
Он пошел ли ведь здраво за синё морё
Как во славну во главну да Золоту Орду
Ко прикрасному Василью сыну Окулову.
Ёму пала повётёрна-та хорошая —
Приходили во славну главну Золоту Орду
Ко прикрасному Василью сыну Окулову.
Опускал он ведь парусы полотняны,
Он кидал ведь и якори былатныя,
Он клал ле ведь сходёнки дубовыя.
Увидал ле прекрасныя царь да сын Окуловиць,
Как пришол Торокашко да сын Заморэнин,
Как привёз ле царицю да Соломаниду.
Как пошел ле Василей да сын Окулович
А сретал ли царицю да Соломаниду.
И приходил он ведь он да на черлен карабь,
Брал он ведь ей да за белы руки,
Целовал-миловал в уста в сахарныя,
И вёл ле в полаты да белокамянны,
И садил ле царицю да за дубо[во]й стол.
Как о ту ведь пору да о то времё
Прыезджаёт Соломан царь Давидович
Как со тех же со тихих да вёшных заводей,
А зычит ле, кричит да громким голосом —
Не выходит его да молода жена,
Не снимат же его да со добра коня,
Не челует его в уста в сахарныя,
Не ведёт же во грыни да княжоневския.
Выходила тут девушка-черनावушка;
Она низко царю да поклонялесе,
Говорила ему да таково слово:
«Уж ты ой еси, Соломан царь Давыдович!
У те нет же топере да молодой жоны,
Молодой жоны Опросеньи да нынь цяревисьны.
Прыходил же на черных на караблях
Из славной главной Золотой Орды,
Прыходил Торокашко да сын Заморэнин:

Как увёз ведь всё да он омманами
Как во славу во главну да Золоту Орду
Ко прекрасному Василью сыну Окулову!»
Как о ту ведь пору да как о то времё
Отворацивал своёго да коня доброго
От своёго от крута да от крылецюшка,
Набирал себе силу, силу охвочую,
Да охвочую силу да не невольнюю
И отправилса с силой да сухопую,
Как с своей же со силой да с превеликой.
Не дошел он до славной главной Золотой Орды,
Как по-нашому, по-руському, ровно за семь вёрст,
А по-ихному, богатырьскому, за семь попрыщов.
Сам своей силушки наказывал,
Он наказывал силы да наговарывал:
«Оставайтесь, моя ведь сила, сила охвочая,
Да охвочая сила, да не невольняя!
Я пойду ле ведь здраво во прекрасну да Золоту Орду
Ко прекрасному Василью сыну Окулову!..»
А как Василья-та в доме да не случилось,
Да одна ле царица да погодиласе —
Приняла ведь царя-та да как Соломана,
Приняла ведь она ведь его по-старому:
А садила его да за дубовой стол
И потчовала она, да как следно следуёт.
И говорит ле Соломан царь Давыдович:
«Уж ты ой еси, царица да Соломанида!
Мы которой типерь да лучше кажимсе?»
Говорит-де она да таково слово:
«Уж ты ой еси, Соломан царь Давыдович!
Мне прекрасны Василей да сын Окулович
Как он же топерече да лучше кажицьсе!»
Как о ту-де ведь пору, как о то времё
Как едёт прекрасны царь да сын Окулов[ич]
Как со тех же со тихих да вёшных заводей.
Как ужакнул[с]а Соломан царь Давыдович,
Говорыл ле кнегины да Соломаниды:
«Я куды же топерече деваюсе?»
Как скоцила со кроваточки тисовой,

А как откинула перинушку пуховую;
А падал как Соломан царь Давыдовиць
А на ту же кроватоцьку на тисовую —
А закинула перинушкой пуховойей.
Как кричит ле, зычит Василей сын Окулович
А у своёго он да широка двора,
У того же у кру́та да у крылецюшка.
И пошла же кнегина да Соломанида
Как прикрасного Василья сретать Окулова.
А снимала его да со добра коня,
Человала-миловала в уста в сахарныя,
Как вёла во грыни да княжо[н]евския,
А как садила его да за дубовой стол,
И потчовала она, да чем ведь следуёт.
И говорыла она да таковы речи:
«Уж ты ой еси, прикрасны царь да сын Окулович!
Как был ле при етом поры-времечки,
Как был ле Соломан царь Давыдовиць —
Уж що же над им да стал бы делати?»
Говорил ле Василей да сын Окуловиць:
«Я схватил со стены да саблю вострую,
Я срубил у его да буйну голову!»
А как скоцила со кроваточки тисовойей,
Как откинула перинушка[у] пуховую —
Да скакал ле Соломан на резвы ноги.
Да скакал ле Василей сын Окуловиць
Да хватал со стены да саблю вострую,
Да хотел же срубить да буйну голову.
И говорыл ле Соломан царь Давыдович:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Окулович!
Не казнят ле царей да по-шашыльския,
А казнят ле царей да с цесью, с славою.
Прыкажи ты ведь пановям своим, улановям
И на поли-поли, да на чистом поли,
Да на той же долины да на широкойей
Кабы выстроить рэль да прэвысокую
Да положить на рэль да перекладинки,
Как на ети перекла[ди]нки повесить нонь три петёлки:
Да первую петёлку злачоную,

Да втору-ту петёлку шелковую,
Да третью-ту петёлку хошь липову —
Да где было мне-ка, царю, повеснуцьсе
Да вам же, тотаровям, погалицьсе!»
Как построили рэль да превысокую.
И как стал же Василей да нонь срэжатисе,
И тут же ведь он да сподоблятисе
Повозить же царя-та да как Соломана:
И посадили на телегу да на ордынскую.
И срежалась его да молода жена.
И сел ле Соломан царь Давыдович
А на ту на телегу да на ордынскую,
И сам говорыл да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Окулович!
Как передни-ти колёса да как кони тянут,
А задни-ти колёса да как ведь цёрт несёт!»
И прекрасные царь да удивляицьсе:
«Как сказали: „Соломан-царь хитёр-мудёр” —
Я Соломана ноньце дице не нашол!»
Говорыт ее его да молода жена,
Кабы та же кнегина да Соломанида:
«Уж ты ой еси, царь да сын Окулович!
Не давай ты повольки да ему не на часок —
Как вези-тко ко рели да превысокой!»
А привозили ко рели да превысокой,
Как ступил ле Соломан на первой ступень,
Говорыл ле Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Окулович!
Уж ты дай мне-ка царю да зелена вина,
А не малу, не велику — да полтара ведра;
Уж ты дай мне тепере при последьнём времени потешицьсе,
Кабы вашим тотаровям погалицьсе!
У мя есь за горами да за высокими
У мя ле ведь там голобы кормлёныя —
Да пушай мои голубы послушают!»
Он выпил как чару зелена вина,
Как не малу, не велику — да полтара ведр[а];
А он взыграл ле во свой да во в турей рог —
А уж тут его сила да шшевелиласе.

И кабы спрашивает Василей да сын Окулович:
«Уж ты ой еси, Соломан да царь Давыдович!
Уж що же топер да это сделалось?»
Как ответ ле держит Соломан царь Давыдович:
«Да на тихих на вёшних нынь на заводях
Гуси-лебеди нонь да зволновалисе,
Как Соломановой смерти да удивлялися!»
Он ступил ле, Соломан, на второй ступень,
Говорыл ле Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Мне-ка дай-ко-се чарочку-ту вторую,
Как не малу, не велику — да в полтара ведра;
Ты дай мне зыграть да как по второй раз.
У мя есь за горами да за высокима,
У мя есь ле ведь голубы кормлёныя —
А пущай мои голубы послушают!»
Говорит же ему да молода жена:
«Ты не давай ему чары да зелена вина,
Ты не давай-ко-сь ему да играть в турей рог:
Ведь Соломан-от царь ведь он хитёр-мудёр,
У тебя же ведь он да как извэрницьсе!»
А не слушат же он да молодой жены,
Той же кнегины да Соломаниды.
А говорит ле Василей сын Окуловиць:
«Ты пей-де, гуляй, да как те хочицьсе!»
А как ступил ведь он на третей ступень —
Говорил ле Василью да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окуловиць!
Уж ты дай при последнём времени припотещицьсе,
А вашим тотаровям погалицьсе!»
Говорыл ле Василей таково слово:
«Уж ты ой еси, Соломан царь Давыдович!
При последнеём времени припотещицьсе —
А вам же, тотаровям, погалицьсе!»
И выпил он цяроцьку тут третьюю;
И зыграл он во свой да как во турей рог —
И тут его сила да навалиласе...
И скакал Соломан царь Давыдович
Как со той же со рели да превысокою,

Как хватил ле Василья да во праву руку,
А кнегину Соломаниду во леву руку,
А Торокашка-сына — под пазуху.
И забежал он на рэль да превысокую,
И в злацёную тут петёлку положил Василья сына Окулова,
А в шелк[ов]ую петёлку — цырыцю Опраксею,
А в липову-ту петлю — Торокашка сына Заморенина.
Сам говорыл да таково слово:
«Милой с милым, да уж сводник тут!»
А как тут Торокашка да славы поют,
А тут Торокашка да старилах скажут.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 1 августа 1901 г.: д. Юрома Юромской вол. — от
Бёшенкина Ефима Васильевича, 89 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.